Ночная радуга

Автор:
Евгения Михайлова

Ночная радуга

Евгения Михайлова

Детектив-событие

Вика любила одиночество и была счастлива лишь в стенах собственной квартиры. Но она готова принять в свое добровольное затворничество того, кого любит…

Кирилл встретил Вику случайно, но понял, что жил ради этой встречи. Вика оказалась вовлечена в опасную историю, вокруг нее много смертей. Но Кирилл готов начать борьбу за справедливость, если это нужно его любимой…

Частный детектив Сергей Кольцов убил человека, потому что он угрожал Вике. Пусть она принадлежит другому, он готов ради нее убить еще раз…

Иногда близкие люди обманывают друг друга, бережно храня тайны, которые могут разрушить жизнь. Но когда хранить тайну оказывается больше некому, она становится бедой для тех, кто не подозревал о ее существовании…

Евгения Михайлова

Ночная радуга

© Михайлова Е., 2018

© ООО «Издательство «Э», 2018

* * *

В настоящей трагедии

гибнет не герой – гибнет хор.

Иосиф Бродский

Ад – это другие.

Сартр

Повествование от первого лица – это просто прием. Никакого отношения к автору героиня романа не имеет. Все события и персонажи – вымышленные.

Евгения Михайлова

Часть первая. А потом было убийство

Раз – ступенька

Я держала оборону две недели. Этот тип звонил, писал в личные сообщения на фейсбуке и, наконец, начал караулить меня у подъезда. Мой номер телефона есть в информации на фейсбуке, узнать его не составляло труда. Но когда он позвонил в очередной раз и сказал, что стоит возле моего дома, я разозлилась всерьез. Потребовала, чтобы он ответил, как узнал адрес. Он сослался на мою приятельницу-журналистку, которая просто забыла меня предупредить, по его

словам. Он обманул Лену: посетовал, что мы договорились о встрече, а телефон не отвечает. Она знает, что я часто не отвечаю на звонки. Речь шла о работе, и он Лену убедил.

Илья Пастухов, плохой писатель и активный коллекционер всевозможных проектов, постоянно обивает пороги редакций, торчит на телевидении, считает себя лучшим другом режиссеров, актеров и политиков. Все привыкли к его предложениям и просьбам. Выступить, сняться, дать интервью. Он хитрый, вкрадчивый, липко-настойчивый и льстивый. Многим нравится иметь с ним дело. От меня Илье требовался произвольный текст на тему, которую я узнаю только в студии, при записи. Он хотел, чтобы я приняла участие в его новом проекте.

– Хорошо, я сейчас спущусь к вам, – сдалась я. – Но времени у меня мало, поэтому, пожалуйста, в двух словах, что за передача, для кого. Я приму решение – да или нет. Во втором случае попрошу больше меня не отвлекать.

Я вышла к нему. Пастухов стоял у машины. Раньше я его видела только на фотографиях в Интернете. Крупные черты лица, шапка белоснежных волос, глаза в волнах морщинок – проницательные и ласковые. Он казался добрым волшебником. Так было на портретах. А передо мной стоял крупный, рыхлый, откровенно заурядный человек, в облике которого было что-то очень жалкое. Он волновался, протянутая рука оказалась мокрой, говорил сбивчиво и довольно косноязычно. Но то, что он предложил… Это оказалось забавно. Пастухов при поддержке спонсоров открыл интернет-передачу. Ее героям называют тему прямо в кадре. И они должны без подготовки говорить о том, что сразу придет на ум.

Я согласилась. Иногда бывает интересно, что у тебя могут спросить люди, которые тебе так же мало нужны, как и ты им.

– Сколько стоит ваше время? – спросил Пастухов. – Или вы согласитесь сделать нам подарок?

Тут-то стало ясно, что самое жалкое в нем. Это был скупец. Клинический, диагностический, маниакальный. Я таких узнаю за версту. И все встало на свои места. Вот почему отталкивающая навязчивость вместо делового предложения. Спонсоры выделяют Илье деньги на передачи, а он пытается вести переговоры таким образом, чтобы человек согласился по принципу «легче дать, чем

объяснить, какой он нудный». Я улыбнулась.

– Конечно, подарок. Скоро Новый год. Будем считать, что я – Снегурочка.

– Я в восторге от вас! – обрадовался Пастухов. – Вы – прекрасная женщина и гений.

– Стоп! – прервала я. – Мне не нужна и лесть в качестве гонорара. Я согласилась, потому что мне интересно.

Пастухов заехал за мной на следующий день, привез в маленькую, хорошо оборудованную студию, познакомил с администратором Вандой – полной женщиной с острым серым взглядом – и с оператором Кириллом, немногословным парнем, который казался бы красивым, если бы не его мрачность, похожая на нелюдимость.

Я села в кресло. Кирилл сказал: «Мотор». И Пастухов произнес вопрос:

– Что делает женщину королевой?

Почему-то я услышала этот вопрос до того, как он был произнесен. Что-то такое банальное, не слишком логичное и должен был придумать он, примитивный автор этого нелепого проекта. А ответить мне захотелось. Я просто знала ответ. Я заговорила:

– Что делает женщину королевой… Мне легко ответить на этот вопрос. Наличие королевства делает женщину королевой. Своего королевства, к которому ты прошла столько километров, столько лет, часов, минут, самых главных секунд…

Мое королевство – это башня моей обнаженной сути. Моей любви, страсти, тоски и памяти. Того, чем нельзя делиться ни с кем.

Однажды в детстве я увидела лицо и поняла: это королева. Я увидела лицо этой женщины на портрете «Неизвестная» Крамского. Именно так выглядит женщина, которой подчинено все: ее внешняя и внутренняя гармония, ее мысли. Эта женщина способна подать себя миру. Она умеет пронести через него, как через лобное место, свою тайну, свое горе, свою боль. Она держит дистанцию,

сотканную из тонкой кисеи слез под приспущенными ресницами. Это было важное открытие для женской судьбы – то, что я поняла ребенком, глядя на «Неизвестную».

Пройдет много-много лет. Глаза устанут от ослепительных мгновений и темных провалов. Память станет тяжелой, как облака перед грозой. А способность плакать умрет вместе с детской непосредственностью и доверчивостью, которым нечего скрывать. Дети не знают о том, что женщине всегда есть что скрывать.

Меня спасла однажды моя крепость, сотканная из кисеи слез, которых никто не увидел. Я спрятала все под ресницами. А вокруг было столько любопытных, злорадных, завистливых, недоброжелательных взглядов. Они разбились об эту непроницаемую кисею.

На мне первый раз в жизни был черный кружевной траурный платок. Я в первый раз подарила цветы мужчине. Положила букет в гроб туда, где раньше билось сердце только для меня.

И уехала в свое королевство.

После записи мы вчетвером сидели за столом в небольшой кухонной зоне студии, пили пиво, ели пиццу и орешки. Я отмахивалась от многословной приторной лести Пастухова, как от стаи мух. Его речь стала почти бессвязной после первых же глотков. Я старалась не смотреть на противный мокрый рот, отвела глаза и наткнулась на твердый взгляд оператора Кирилла, то ли недоверчивый, то ли насмешливый. Он сидел напротив и смотрел прямо, откровенно, не пытаясь это скрыть.

– Что-то не так? – спросила я.

– Просто вопрос, – сказал Кирилл. – Один вопрос. «Замок обнаженной сути» – это о чем?

– Обо всем. Есть я, и есть другие, – попыталась объяснить я. – Как писал Сартр: «Ад – это другие». А там, где я, – нет больше ничего. Ни лжи, ни громких звуков, ни взглядов, ни теней, ни одежды.

– Я так и понял, – кивнул он.

Я поднялась. Пастухов вызвался меня проводить, но во дворе нас догнал Кирилл.

– Не советую с ним ехать, – шепнул он. – Илья не умеет пить. Даже пиво. Если доедете без проблем, потом придется от него отбиваться.

– Я как раз и думаю о том, как убежать прямо сейчас, – призналась я.

– Да просто! – Кирилл взял меня за руку и быстро повел к своей машине. На Пастухова я даже не посмотрела.

Кирилл ехал медленно. Мы почти не разговаривали. Он остановился у моего подъезда, я не спешила выходить, мы несколько минут сидели рядом, продолжая молчать. Это было странное чувство: быть рядом с чужим человеком и не воспринимать его присутствие и молчание как помеху собственной свободе. И не испытывать желания избавиться.

– Я не напрашиваюсь, – произнес Кирилл. – Но мне хотелось бы проводить вас до двери квартиры. Мало ли что…

– Конечно, – согласилась я.

Мы поднимались на лифте на мой пятнадцатый этаж все так же, молча. Казалось, Кириллу лень произносить слова, а мне в такой же степени не хотелось к нему пробиваться. Но я думала… Я с беспокойством чувствовала, что меня не отталкивает чужой запах, не раздражает чужое дыхание. Редкий случай. Точнее, почти невозможный случай.

Лифт остановился, я направилась к своей двери, достала ключ и собиралась сказать «спасибо, пока». Но Кирилл не дал мне оглянуться. Он прижал меня к двери, я почувствовала затылком его горячее дыхание: то ли слово, то ли стон. Быстро отпустил. А я… Как это случилось?.. Я посмотрела не на него, а на его руку рядом с моей рукой на двери, медленно взяла ее и поцеловала горячую, жесткую, шершавую ладонь.

Так мы попали в наш общий эпизод. И моей задачей было удержать его границы. Я хорошо чувствую ритм событий. И верила, что сумею поднять за очередным эпизодом свою стальную крепость из стекла.

Той ночью я с мучительной досадой сожалела все о том же. Почему меня не отрезвляет ни чужое слово, ни резкое прикосновение, ни такой настойчивый, бесстыдный, неутомимый взгляд. Почему пьянит даже запах горячего мужского пота, почему мне так хорошо в объятиях мужчины, о существовании которого с утра я и не знала. Ведь я так избирательна и брезглива…

Закрывая утром за Кириллом дверь, я была уверена: эпизод закончен. И Кирилл, отличный оператор, наверняка чувствует это так же хорошо, как и я. Нет ничего более жалкого, чем эпизод, растянутый на сериал. А он был хорош, этот наш маленький шедевр. Таким был мой гонорар в дурацком проекте Пастухова. Два совершенно непохожих человека вдруг узнали друг друга в толпе. Два недобрых, неконтактных, недоверчивых, одиноких человека… Мы растаяли в мгновенной, слепящей, сжигающей страсти. В ту ночь я была его единственной женщиной на свете, он был моим первым и последним возлюбленным. До утра. До вероятности разочарования, пресыщения и скуки. До несвободы.

Когда я осталась одна, прошлась по комнатам, проверила, плотно ли задернуты шторы. В гостиной подошла к большому портрету. Эта красавица с лицом, которое известно многим, – моя мама. Хорошая актриса, слишком красивая для того, чтобы считаться по-настоящему талантливой.

– Помнишь, мама, как ты говорила, когда мы поднимались на наш пятый этаж: «Раз – ступенька, два – ступенька…» А сегодня меня привела в рай всего одна ступенька. Так бывает, – тихо сказала я.

С мамой мне легче говорить так, глядя на портрет. В жизни мы не очень долго способны выносить друг друга. Слишком печальные события мы пережили вместе, слишком болезненные воспоминания пробуждает каждая наша встреча. И люди мы разные.

Два – ступенька

На вторую запись к Илье Пастухову я приехала сама, на такси. Не совсем добровольно: Пастухов проедал мне мозг несколько дней рассказами о том, как наш первый выпуск обрадовал спонсоров и понравился зрителям. «Я смотрел и плакал», – восторженно кричал он, вызывая у меня приступ отвращения. На новую передачу я согласилась, но категорически отказалась, чтобы Пастухов за мной заехал.

Вновь студия. Вновь толстая Ванда. И невозмутимый Кирилл, может, еще более мрачный, чем в первый раз. Я опустилась в кресло и мысленно спросила у себя: о чем Пастухов спросит сейчас? И ответила: о счастье.

– Вы могли бы сразу вспомнить мгновение счастья? – спросил Пастухов.

– Да. Мне нужно всего лишь впустить в память луч света. Он рассеет тьму несчастий. Он приведет туда, куда ты сама, как скупой рыцарь, заглядываешь редко. Там богатство…

Счастье, конечно, было. Как у всех, как у многих.

А момент вспомню один. Он завернут в трепет души, перевязан золотой нитью удачи. Этого могло не быть. Этого не должно было быть. Лучше бы этого не было. Но проходят годы, а этот момент в памяти по-прежнему самый яркий. Мгновение, когда душа разорвала оковы характера, а тело поднялось на бунт против разума. Против покоя и благополучия. Многое разлетелось в клочья. В том числе моя жизнь, и не только моя. Такова была цена. Но момент счастья того стоил.

У него были тонкие пальцы, как у скрипача, теплые, бархатные, карие глаза, ласковый баритон. Я пришла в свою первую редакцию. Он был недостижимо взрослым – на десять лет старше. Меня ждал дома муж, его – жена и сын. На мне было короткое платье из японского шелка, и я дрожала в жаркий день под тонким платьем и горячим бархатным взглядом. Нам обоим не повезло: мы были верными людьми по природе. Я – верная жена, он – верный муж. Но мы не могли сопротивляться этому. Тот момент мы разделили на несколько лет, на много дней и чужих квартир, ключи от которых нам оставляли под ковриками у двери.

Как же это было! Небо и пропасть менялись местами. Все прежнее расплавилось и потеряло очертания и смысл. Все лица словно растаяли в тумане, а себя я

находила лишь с помощью его губ и рук. И только с ним я чувствовала себя живой. Я уходила много раз, меня тащила вина к тому, кому я обещала верность. А потом опять возвращалась в жаркий омут. Надо было не возвращаться в мгновение счастья никогда. Не было бы несчастья…

После записи я отказалась от дружеских посиделок с напитками и быстро вышла на улицу. Почему-то стало нечем дышать. Я отвыкла от людей. Я не привыкла к собственной искренности для чужого слуха. У меня не было ответа на вопрос: зачем я на это пошла. Не в навязчивости же Пастухова дело! Нет, дело может быть только во мне самой. Значит, пришло время проверить себя и на такую прочность. Выйти из добровольного заточения, появиться перед теми, от кого ушла с облегчением и удовольствием: от целого света посторонних и безразличных людей, – и уцелеть. И ничего не потерять. Открыть им душу, запертую даже для близких, и не почувствовать себя жалкой и обделенной. И ничего не предать, просто пробежаться по лепесткам траурных роз, которые никогда не завянут. Ничего не скрыть, но сохранить свои тайны.

Кирилл догнал меня во дворе, мы молча пошли к его машине. Он спросил, когда мы уже подъехали к моему дому:

– Тот, которому ты положила цветы в гроб, и тот, у которого были тонкие пальцы, – это разные люди?

– Это один человек, – ответила я. – Это мой муж.

У двери квартиры я достала ключ, посмотрела на Кирилла.

– Та ночь была хорошим эпизодом. Он закончился.

– Да, – согласился он. – Эпизод закончился. Но нужен дубль, поверь мне.

Мы не полетели в этот дубль, как тогда. Мы задержались на пороге пожара, чтобы рассмотреть друг друга, обменяться хотя бы парой обыденных фраз. Странный был вечер. Незнакомые любовники пытались на ощупь найти друг в друге близких людей. Оказывается, Кирилл любит омлет с малосольными огурцами. А я выпила только бокал красного вина, сняла туфли и чулки, как будто была, как всегда, одна в своей башне. Затем расстегнула блузку и выпуталась из узла длинной юбки.

– Ты похожа на птичку, которая стряхивает с себя дождь, – проговорил Кирилл. – Когда-то я мечтал снять свой собственный фильм. Без сюжета и слов, просто охота за движением, жестом и взглядом одной женщины. Какой-то абстрактной женщины, которую никогда не видел, которую даже не представлял себе в деталях. Удивительно: эти детали, которых даже не было в том замысле, я вижу сейчас, в тебе.

– Что тебя связывает с Пастуховым? – поинтересовалась я.

– Деньги. Он платит мне неплохие деньги за ту муру, которая приходит в его голову. Иногда получается вытянуть из этого что-то стоящее. Таких подарков, как с тобой, еще не было.

– Что он за человек? Графоман, чайник или такой неутомимый труженик, который активностью компенсирует бездарность?

– Если честно, меня его психология совсем не занимает, – ответил Кирилл. – Но богат он, как арабский шейх. В такой же степени скуп, но это уже другой вопрос. Такие деньги не зарабатывают. Ходят слухи о каком-то безумном наследстве. Я как-то снимал в одном его дворце. Сверкающая безвкусица и роскошь за пределами понимания. Так что он работает не только из-за заработка, хотя не упустит и копейку. Он, получается, работает из любви к искусству. Мне показалось, что ты вписалась в эту историю из любопытства, что ли. Мой совет: не отказывайся от съемок в его дворцах. Это другой проект, но, я уверен, Пастухов тебе предложит. Кто ты по профессии?

– Созерцатель. Иногда пишу, иногда играю, бывает, думаю, – улыбнулась я. – Сладкое слово «фриланс». Совпадает с моим главным принципом. Не зависеть ни от одного мужчины, ни от одного работодателя. Несколько договоров со студиями на сценарии, одно издательство и две редакции. И низкий старт, чтобы соскочить только по собственной инициативе. Есть проблемы: постоянно горящие и часто совпадающие сроки, реальная опасность быть кинутой по деньгам, – люди в деле редко страдают недугом порядочности. Но только так, по-моему, можно спасти свое достоинство и время. Да, я взглянула бы на дворцы Пастухова. Моя глупая затея стремительно меняет очертания.

Кирилл встал, торжественно вытянулся передо мной, как кавалер на балу.

– Виктория. – В первый раз он назвал меня по имени. – Я буду счастлив пригласить вас на любовь. Только не отказывайте, неснятый эпизод может убить оператора.

– Ты не понял, Кирилл, – рассмеялась я. – Я не тот человек, для которого произнесенное слово важнее того, что говорит собственное тело. Иди ко мне, мой дорогой.

Как давно я не узнавала так много. Высшая математика жестов, поэма дыхания, музыка двух слившихся пульсов и неожиданное счастье души. Души, которая вырвалась на свободу вместе с разорвавшим собственные оковы телом. И опять передо мной эта тайна. Столько близких по крови и духу людей оказываются отталкивающе чужими, а тот, которого ты не знала еще месяц назад, – вдруг притянут магнитом родства.

В ту ночь Кирилл уснул рядом со мной. Его сонное, утомленное дыхание, его горячее тело так украсили замок моего одиночества. Этот мужчина был настолько на месте, что только это и беспокоило меня.

Утром я приняла душ, сварила кофе. Кирилл, так и не остывший от ночного жара и глубокого сна, заглянул в мои глаза с вопросом и множеством ответов. И это он – человек, который не тратит время на ненужные слова. Пока он плескался в ванной, я включила компьютер – посмотреть новости. И сразу увидела главную.

«В СВОЕМ ЗАГОРОДНОМ ДОМЕ УБИТ ИЗВЕСТНЫЙ ПИСАТЕЛЬ И РЕЖИССЕР ИЛЬЯ ПАСТУХОВ».

– Да, дела, – произнес за моей спиной Кирилл. – Я побегу, нужно узнать. И закончить передачу с тобой. Сейчас начнутся обыски, изъятия и допросы.

Три – ступенька

Звонок от матери. Короткая мелодия из низких и как будто хриплых нот. Она сама подобрала эту мелодию под свой голос. Мама – эстет и перфекционист. Для нее нет мелочей. Я уверена, что режиссеры ее страшно недооценили. Главное в

облике, в проявлениях, в игре мамы – это невозможность фальши. В этом и есть совершенство. Не так, как нужно, как кажется красиво, а так, как есть. Ноль слащавости, лакировки, искусственной позы. Она просто всегда явление и зрелище. Моя мать. Драматическая героиня Анна Золотова.

– Я не разбудила тебя, Вика? Решила позвонить сразу тебе, ты ведь всегда в курсе происшествий и скандалов. Странная вещь произошла. А я даже не знаю, как выяснить подробности. И ходить я уже неделю не могу совсем. Ноги стали чужими. Если тебе это интересно, конечно. Не приедешь?

– Конечно. Буду через час. Почему ты не позвонила сразу по поводу ног?

– Смысл? У меня есть Катя. Она справляется.

– Мама, тебя, случайно, не убийство Пастухова так интересует?

– Да. Передали, что Илюшу убили. Значит, правда? Не могу поверить! – Мать вздохнула. – Он такой скользкий… был. Я думала, он выскользнет из любых рук и ловушек.

Эти тайны моей матери… Я могла ей сказать, что работаю с Пастуховым, но не сказала. И она не сказала мне, что знает его. Да еще так хорошо: «Илюша», она думала, что он выскользнет из любых рук. В жизни нет случайных сюжетов, мы просто не всегда можем проследить их развитие.

В машине я думала только об одном. О той квартире, в которую еду. Так всегда. Это путь на мою Голгофу. Он бесконечен.

Трехкомнатная квартира в старой девятиэтажке, в которой сейчас живет мать, всегда была нашим домом. В ней прошла мамина юность, там родилась я, из этой квартиры выносили бабушку и дедушку в иной мир. И сюда в охапке со мной мама мчалась из самых удачных своих браков. Из богатых коттеджей и роскошных квартир. Это упоительное ощущение моего детства. Мы переступаем порог, вдыхаем запах пыли, нас обнимает знакомая и теплая темнота.

– Мы дома, – облегченно произносит мама.

И во мне поднимается щекочущая волна счастья и предвкушений. Волна свободы. Позади чужой этикет, чужие прихоти и ненужные люди. Очередной мамин муж, который лучше нас знал, как нам одеваться, в котором часу вставать и ложиться. Выбирал, что есть и как проводить свое время. Няньки и гувернантки, с которыми оставалась я.

До сих пор сжимаюсь от звуков их неприятных голосов, от обидных замечаний, от прикосновений их неделикатных рук, которые я всегда ненавидела.

И вот наша свобода, нора, уют. Мама сбрасывает туфли на высоких каблуках, набирает в ведро воду и носится по квартире с тряпкой, а лицо такое вдохновенное, как будто это ее звездная роль. И параллельно колдует на кухне: включает допотопную духовку, сует в нее наспех накрученные пироги из того, что подвернулось под руку. Чаще всего это мука, вода, масло, соль, дрожжи и курага с черносливом. А запах через минуты такой волшебный, какого я не ощущала ни от одного десерта, приготовленного профессионалами. Я жду возможности забраться в горячую ванну, тереть себя до тех пор, пока не загорится кожа, пока не смоются с нее прикосновения и взгляды тех, от кого мы в очередной раз успешно сбежали. А потом чай, пирог, чистые простыни и понимание того, что мы защищены, по крайней мере, до утра. От чужих голосов, шагов по направлению к нам, от чьих-то мыслей, желаний и приказов.

Пройдет много лет, и я задумаюсь о том, была ли мама жертвой во всех этих отношениях. И приду к выводу: нет. Только не жертвой. Только не она.

Так получилось, что своего самого красивого и любимого мужа мама привела сюда, к нам. У него не было другого дома. Он приехал из Бразилии по обмену учеными в лабораторию НИИ фармакологии. Артур был похож на восточного принца. Мама говорила, что в нем есть кровь каких-то бразильских королей, если там вообще были короли. Высокий, стройный, с огромными черными миндалевидными глазами, чувственным, красивым ртом, приятным высоким голосом и немного смешным высокопарным слогом. Он говорил по-русски с заметным акцентом, в чем тоже было свое очарование.

Артур вошел в нашу жизнь так вкрадчиво, почти подобострастно, как будто кровь королей есть именно в наших жилах, а он собирается нам вечно служить, дарить свое сердце, стоя на коленях. Мама говорила что-то об умении ценить женщин и детей у восточных мужчин. А я уже через месяц скрывала приступы тошноты в липком поле этих влажных глаз, сладких слов и преувеличенных,

манерных жестов. Маме тогда изменило ее знаменитое чувство меры. Она, как всегда, была так поглощена своими делами, переживаниями, ролями, женскими наслаждениями, что ничего не заметила. Ни материнская интуиция, ни женская наблюдательность не подсказали ей, что ее дочь накрыл неслыханный и невиданный мрак. А я была слишком гордой и высокомерной, чтобы признаться, что Артур меня убивает, что я уже не дышу.

Я была в седьмом классе, когда это случилось в первый раз. Мама уехала в экспедицию со съемочной группой. Утром я собиралась в школу, Артур, по обыкновению, готовил нам вкусный, пряный завтрак в кухне. Я направилась в туалет, там застонала от сильной боли в пояснице и внизу живота. Бросилась в ванную, к аптечке с тампонами, хотела запереть дверь изнутри, чтобы привести себя в порядок. Но Артур вдруг придержал дверь и вошел ко мне.

Всю последующую жизнь я заставляю себя перечислять дальнейшие события, воспроизводить в памяти все в точности до секунды, – и справляться с тем, что происходит с сердцем, душой. Так я закаляю характер. Так я кую свою непобедимость. И до нее мне по-прежнему дальше, чем до луны.

Артур своими мягкими руками жестко сорвал с меня халат. Затем напялил вместо него какую-то ветошь из того, что мама держала для мытья пола. Я, ничего не понимающая, почти не сопротивлялась, когда он тащил меня в крошечную кладовку. Там были навалены давно не нужные, забытые вещи, а центр расчищен и устелен клеенкой. На клеенку он меня и бросил. И произнес совершенно спокойно, со своими обычными вкрадчивыми интонациями:

– Не пугайся, Вика. Так нужно. Это для твоей же пользы. Ты должна очиститься от грязи здесь, одна. Я буду тебе помогать. Только так ты сможешь вырасти чистой женщиной, достойной того, чтобы тебя выбрали в жены.

Артур запер меня снаружи, предварительно поставив старое ведро вместо туалета и кастрюлю с водой из-под крана. В следующие дни он просто приоткрывал дверь и бросал мне куски хлеба. Иногда выносил ведро, возвращал его вымытым. Так прошла неделя. Я задыхалась от вони, я уже не могла видеть хлебные корки. Я думала о том, что смерть была бы легче, чем существование в этой кладовке в полной изоляции. Я не ждала помощи. От кого? Он, наверное, что-то придумал со школой. Он очень хитрый. А молить о пощаде его – такого страшного, маниакально сумасшедшего – невозможно. Я не могла там нормально лечь, некуда было вытянуть ноги. Ужасная боль продолжала терзать

мое тело, от запаха крови, ее липкости вокруг я чувствовала себя отравленной. Но я хотела жить. Вот так, вопреки, несмотря ни на что. Прошла почти неделя, когда боль стала меньше. Все прошло.

И тогда Артур меня вытащил в прихожую, где лежала другая клеенка, и очень больно ударил плетью по спине четыре раза. Перед этим предупредил:

– Не бойся. Я не наказываю тебя. Это нужно для того, чтобы женщина стала выносливой.

От боли я на миг потеряла сознание. А утром он поднял меня, привел в ванную. Там стояли ряды шампуней, висели чистые полотенца, все сверкало. Он разрешил мне мыться сколько угодно, привести себя в порядок. Он приготовил мне завтрак. А мою камеру пыток убирал остервенело, тщательно. Был в перчатках и защитной маске на лице. Преображение заняло у него несколько часов. К приезду мамы мы были чистыми, красивыми, квартира вымыта, в ней пахло восточными благовониями.

– Это очень древний обычай, – объяснил Артур мне непринужденно, когда мы пили кофе. – Его непременно нужно соблюдать. Только так можно избежать кармы.

И я смотрела своими ставшими древними за неделю мук глазами на холеное лицо человека с высшим образованием, с научной степенью, – и понимала, что я встретилась с главным открытием своей маленькой жизни. Мне выпал случай вот так, в самом чудовищном варианте, не от других, не умозрительно, а на себе прочувствовать, что есть самое страшное между людьми. Я и сейчас так думаю. Нет ничего опаснее, агрессивнее, непоправимее и безнадежнее, чем дремучесть в мозгах современного человека. Дело не в старых предрассудках, а в способе усваивать информацию, в ее выборе. Все остальное – следствие. Все человеческие уродства – от дремучести. Люди с ущербными мозгами оказываются везде: в науке, политике, власти. Они заразны и неотвратимы, как холера.

Артур не просил меня ничего не рассказывать маме. Он был достаточно проницательным, чтобы не сомневаться: я ей ничего не скажу. Сам он объяснил ей мой пропуск школы легкой простудой. Показал справку от какого-то врача. Такую же справку он отнес в школу.

Я нашла без труда в книгах все про этот «древний обычай». Про эту религию дикарей племени уанпе в Бразилии. Да, они так готовили девушку к замужеству. Повезло моей маме с этим мужем. К замужним женщинам у дикарей не было претензий. Она уже достигла совершенства. И подобострастный Артур расточал маме цветистые комплименты во время их восторженной близости с ахами и охами за стенкой. За той стенкой, у которой лежала растоптанная я.

Мама, как назло, была страшно востребованной в тот год. Она улетала на крыльях вдохновения на очередные съемки, а я с тихой паникой смотрела на календарь и считала дни. Маленькая надежда на спасение: вдруг в эти дни мама окажется дома. В том, что Артур не посмеет при ней даже заикнуться на тему своих «обычаев», я не сомневалась. Изучила его не хуже, чем он меня. Это маниакальный и коварный трус. А его «королевская» кровь – гнилая и дикарская. Так повезло маме с самым красивым мужем. А уж как везло мне… Четыре раза мамины экспедиции совпадали с моими критическими днями, и только один раз я собрала рюкзак, чтобы сбежать из дома, спрятаться у подруг. И решительно его отбросила. И сейчас уверена в своей правоте. Страшнее любых мук – впустить в свою жизнь других людей, разделить с ними горькие и унизительные тайны. Никогда не знаешь, в чьей голове забьется дикарская мысль. Она всегда связана с травлей, охотой, радостями каннибалов. И еще это… Артур говорил, что так воспитывают выносливость женщин. И сквозь муки во мне билась настойчивая мысль: да, я хочу вынести это. Вынести и знать, что могу. Что преодолею это сама и посмотрю финал.

Мама однажды вернулась раньше времени. Она все увидела, а что не увидела, легко поняла из моих обрывочных объяснений. Милицию не вызывала, ей, известной актрисе, такая огласка была не нужна. Как и мне, после судов и разбирательств как бы я пошла в школу, смотрела в глаза друзьям и знакомым?.. Но мама знала, кому позвонить. И мы обе спокойно смотрели, как крепкие парни вежливо сопровождали Артура до его машины. Так казалось со стороны. На самом деле они его, с белым лицом, почерневшими до полной тьмы глазами, тащили, как чучело из тряпок. Посадили в его машину, поехали следом. Мама сказала, что они ему снимут квартиру. Так и было. На этой квартире через месяц нашли бездыханный труп бразильского ученого. Версия – передозировка наркотиков. Но я знала, что Артур вел исключительно здоровый образ жизни. К этой теме мы с мамой никогда не возвращались.

– Здравствуй, дочка.

Мама стояла в прихожей, опираясь на палку.

Лицо, как на старых полотнах, – застывшее под узорной паутиной тонких морщин. Только моя мать могла стать еще красивее и значительнее в старости.

Пахло пирогами и хорошим кофе. Что бы ни происходило в маминой жизни, какие бы драмы, травмы, болезни ни пытались бы сбить ее порядок, – она не теряла аппетит и не забывала подкрепиться. Ее еда никогда не была очень правильной и взвешенно полезной. Она была просто вкусная. Это, наверное, главный секрет маминого здоровья: есть то, что нравится, быть с тем, кого сейчас хочешь, оставаться красивой и независимой под любой вьюгой и бедой.

– С яблоками? – спросила я.

– Да, и с вишнями. Ты похудела, немного побледнела. И резко похорошела. Это мужчина, – авторитетно заключила мама. – Давай быстрее к столу. Мы опять здесь, вдвоем. Забудем обо всем. Поговорим потом.

И в первые минуты это всегда получалось. Я возвращалась в детство, мама дарила себе тот кусочек судьбы, в который ей хотелось попасть. Как сладкоежка перед блюдом с пирожными, мама выбирала самое любимое воспоминание. У меня были все основания гордиться. Она часто хотела вернуться туда, где мы были вдвоем.

Мне совсем не хотелось в то утро говорить о Пастухове и его смерти. И почему-то еще меньше хотелось узнать, что связывало с ним мою мать. А она спокойно поставила чашку, помыла руки, ушла в свой кабинет и вернулась с огромной фотографией ярко-желтого сверкающего камня. Под снимком было описание:

«Канареечно-желтый подушковидный алмаз весом 205,07 карата (41 грамм), обнаруженный в одной из южноафриканских шахт компании «Де Бирс». Чистый вес добытого алмаза составлял 375 карат. После огранки отличительная черта бриллианта – его способности накапливать свет и впоследствии светиться в темноте. Камень был преподнесен в подарок британскому Красному Кресту, который выставил бриллиант на аукцион Кристис, где его продали за 10 тысяч фунтов стерлингов. Вырученные на аукционе деньги были потрачены на лекарства и строительство больниц. Личность нынешнего владельца камня остается неизвестной».

– Этот камень лежит сейчас в моей банковской ячейке, – сказала мама. – Его мне принес Илюша Пастухов. Нет, он не был моим любовником. Не потому, что он на пятнадцать лет моложе: он вообще-то набивался. А потому, что я физически его не переносила. А так мы почти дружили. Он был для многих незаменимым человеком. Предлагал самые разные, в том числе экзотические услуги. Думаю, именно так он и сколотил свое состояние. Камень, конечно, принадлежал не ему. Так расплатился со мной один очень важный для меня человек. Не только за любовь. Когда-нибудь вернемся к этому разговору. Сейчас мне хотелось бы знать одно: кто убил Илюшу. За что – я сразу пойму.

– Хорошо. Узнаю, что смогу, – пообещала я.

Теплый завтрак на столе остыл. Мама впустила к нам ветер непогоды, тайн и преступлений. Пора прощаться. Тревоги у нас разные: у каждой – свои. Я формально спросила, чем ей нужно еще помочь. Получила ожидаемый ответ: все в порядке. Домработница Катя со всем справляется. Мы опять в прихожей. Только тут я чувствую всплеск робкой печали. Та девочка прощается с мамой, которую очень любила.

Перед тем как уйти, я всегда смотрю на дверь кладовки. Это мемориальная доска моих страданий. И вдруг, неожиданно для себя, произношу:

– Артур по-своему хотел мне добра. Виноват не он, виновата его фанатичность. Я выросла, стала выносливой, как он хотел. И мне жаль, что он так рано, страшно и непонятно умер.

Лицо мамы осталось совершенно непроницаемым. Она лишь пожала плечами.

– А смысл – жалеть того, с кем уже покончила судьба? Ты становишься сентиментальной, Вика. Скажи еще, что его «обряд» был тебе полезен.

– А знаешь, в чем-то был. Это такая мощная прививка. От слепой веры, любой религии без знаний, от панического страха перед человеческим телом. И, пожалуй, от доверчивости в принципе. Лишнее это все. А раны, которые остались, – это мое. Уживаюсь как могу.

– На том и порешим, – улыбнулась мама. – Ты хорошая девочка. Жаль, что у тебя нет дочери. Я бы подарила внучке этот желтый алмаз. Он, конечно, станет твоим после моей смерти, но тебе даже лень будет его продать. А его уникальная красота и ценность не помешают тебе колоть им орехи.

Свидание закончилось. К нашему обоюдному облегчению. Мы дали друг другу пищу для размышлений. А сам процесс размышления требует времени и пространства, которое разведет нас как можно дальше друг от друга.

Не устаю благодарить судьбу за такую возможность – мило попрощаться с мамой.

Часть вторая. Королевский плен

Победа над расставанием

Когда мы прощались в то утро с Кириллом, речи о следующей встрече не было. Он не сказал, я не спросила. Или наоборот: я не спросила, он не сказал. Навязчивая мысль об этом появилась у меня через несколько дней. Только у меня может возникнуть подобная ситуация. Я вдруг подумала, что мы приезжали с ним ко мне после записи в студии Пастухова. Пастухова нет, записей больше не будет, а ведь Кирилл даже не спросил у меня номер мобильного телефона, и я не знаю его номера. Я ничего о Кирилле не знаю: ни адреса, ни места постоянной работы, если она у него есть. Только фамилию по титрам – Костров.

Выполнять мамину просьбу и разыскивать информацию об убийстве Пастухова мне не хотелось. Даже не так: я просто знаю, что рано или поздно информация сама польется ко мне сплошным потоком. Чаще всего мне приходится уворачиваться от непрошеных деталей. Не вижу в этом ничего особенного. Такова, видимо, участь всех созерцателей. Они так внимательны к событиям, что события начинают отвечать им взаимностью. Как запросы в гугле, которые начинают преследовать тебя по пятам прирученными собаками, что бы ты ни

искал в следующий раз. А проявлять инициативу, выяснять что-то шокирующее и ужасное о чужом и неприятном мне человеке, которого уже нет в живых, – это вообще против всех законов моего королевства. Я даже мужчину, с которым мне было так хорошо в постели, не собираюсь искать.

Но в тишине квартиры за очередной чашкой кофе я могу признаться себе: не только в постели было хорошо. До и после – тоже. Значит ли это, что я скучаю? Да. Это значит очень многое. Кроме одного: я не торопилась бы все вернуть. И если Кирилл никогда больше не появится у меня, – я скажу себе, что это к лучшему. Как я и хотела с самого начала: один эпизод. Пусть и не забуду никогда. Хорошо это или плохо, но я ничего не забываю.

Синоптики пообещали первый снег. Серый день за окном сгущался, явно предвещая белый взрыв. Я вышла на балкон и протянула ладони, чтобы поймать пробные снежинки. Наверное, они уже есть, их просто еще не видно. Снега не было, а ладони заполнились. Как будто плотное, оторвавшееся от неба облако опустилось ко мне в руки. С облаком я и вошла к себе. С ним закуталась в плед и легла на диван, чтобы согреться и все вспомнить не мозгом, а телом. Пусть тело мне ответит: хорошо ли ему было с Кириллом, тоскует ли оно без него. Мое тело еще честнее, чем я. Оно сказало: тоскую. Но оно напомнило: то, что другим хорошо, для меня и мука. Это так. Еще одна причина бежать от сильных ощущений. Они отбирают меня у меня и отдают другому человеку. Он может заставить меня стонать и страдать от избытка ощущений, которые способны достигнуть пика высшей боли. А потом он уйдет. И придется вновь спасаться. Застыть в своем одиночестве, оттаять, заснуть и проснуться здоровой.

Я проснулась в сумерки от звонка в дверь. Бросилась открывать.

– Ничего, что я без телефонного звонка?

Кирилл был нервным, взвинченным, почти сумасшедшим.

– А почему ты не спросил у меня номер?

– Потому что тебе в голову не пришло мне его сказать. Мы не договорились о количестве дублей. Я сейчас звонил – минут десять, не меньше, – и думал, что больше никогда тебя не увижу.

Всего третий наш совместный вечер перед третьей ночью, а изменилось многое, если не все. Мы не торопились с узнаванием, потому что узнавание осталось позади. Было полное ощущение, что самое главное друг о друге мы знаем. Не узнали, а знали с самого рождения. Сейчас просто вспомнили. Я понятия не имела, где Кирилл живет, с кем, кто его родители, но знала, что при каждом прикосновении ко мне его глаза темнеют и теплеют. Я ловила его выдох губами и читала в нем слова: «Я тебя еле нашел». А потом, в тот самый главный миг, который другие люди называют пиком блаженства, я увидела на его нервном и выразительном лице гримасу боли и страдания. Не может быть! Это мои чувства. О какой сладости и радости идет речь, если человек, как в бреду, пытается завладеть тем, что ему не принадлежит, что есть чужая, закрытая тайна? Он рвет свое тело под стон души, чтобы взять и присвоить это силой, отчаянным взрывом. А вместо отдыха в нежности и покое его ждет только расставание. Всякий раз расставание. Рядом не твоя добыча, не твой обжитой рай. Рядом таинственный, закрытый и в любой момент враждебный чужой мир. Ты один, твоя кожа не просохла от общего пота, а обретенное в горячке самое прочное и окончательное родство уже остывает, оно уже призрачно. Не родство, а просто молния – иллюзия. Потому люди радуются, а всякий зверь печален после минут любви и полного единения. Звери знают больше.

Вот и все, что сказали мы друг другу без слов в ночь после взаимной тоски.

– Давай придумаем что-то очень простое и понятное, чтобы перейти к жизни, – предложила я. – Давай встанем, пойдем пить чай, говорить о погоде. Снег сегодня обещали. А у меня есть пирог от мамы и банка варенья.

Кирилл улыбнулся, кивнул, первым оделся и пошел на кухню. Я услышала, как он звякает чашками, как хлопает дверцей холодильник. Уверенно он это все делает, не иначе – старый холостяк или отдельно проживающий муж, есть такая интересная категория. Я достала из шкафа большой и уютный халат и вписалась в эпизод чаепития старосветских помещиков.

Мы поговорили и о снеге. А потом заговорили о Пастухове. Кирилл сказал, что нужный материал он спас, успел запустить в работу. Многое действительно изъяли. Его и Ванду допрашивали.

– Как его убили? – поинтересовалась я.

– Перерезали горло мечом из коллекции. Илья был помешан на коллекциях. Разновидность жадности: все, что нравится, достать, найти, купить и запереть под стеклом.

– Стекло разбили?

– Нет, – ответил Кирилл. – Оно небьющееся: сплав с оловом. Илья сам открыл замок стеллажа, он любил хвастаться и показывать свои богатства. Стеллаж остался открытым после убийства.

– Получается, что он знал убийцу… – задумчиво проговорила я.

– Только так и получается, – мрачно кивнул Кирилл. – К нему в дом не так просто попасть. Сигнализация, камеры, секретные запоры.

– Что на камерах?

– Пока ничего не говорят. В особняке много сокровищ, будет много тайн.

– У него есть родственники?

– У Пастухова море знакомых, открытых и скрытых контактов. А о родственниках мне известно лишь одно. Люди, которых он называл родителями, на самом деле ему не родные, приемные. Ходят слухи, что биологическая мать Ильи жила в какой-то далекой деревне, сейчас она нищая старуха, если вообще жива.

– Ты не вспомнишь точнее?

– Зачем? Ты увлекаешься частными расследованиями?

– Развлекаюсь. Иногда тренирую логику. Это полезно для ума и памяти. И, главное, не задевает нервы, когда речь идет о безразличных тебе людях. К тому же моя мать почему-то заинтересовалась этим убийством.

– Твоя мать? – В глазах Кирилла мелькнул интерес. – Анна Золотова хочет знать, как убили Пастухова?

– Как много ты обо мне знаешь!

– Да, прочитал досье. Пастухов еще до записи с тобой сказал, что ты дочь Золотовой. А я успел с ней пару раз поработать на площадке. Лет пять назад. Я постараюсь разузнать о родителях Пастухова. Завтра, – пообещал он.

Кирилл отодвинул тарелку с нетронутым пирогом, поднял меня со стула и тихо сказал:

– Какое счастье. У меня есть повод приехать завтра к тебе с отчетом.

– Уже сегодня, – улыбнулась я. – Мы живем сегодня уже три часа, а пролетели с вечера кусок жизни. Какой-то другой жизни.

Он кивнул. Он это тоже знал. Мы ушли в спальню, чтобы общим сном победить тоску расставания, которая у каждого своя.

Мимо главных могил

Информацию о родителях Ильи Пастухова я нашла сама, в «Википедии». Но там не было ничего о том, что он приемный сын. И, конечно, ни слова о биологических родителях. Вообще это была такая высокопарная, многословная и манерная статья, что не было сомнения в авторстве. Текст писал и правил, конечно, сам Пастухов.

Похоже, его родители живы. О них сказано в настоящем времени. Живут в подмосковном поселке по Рублевскому шоссе. Пастухов Петр Ильич и Пастухова Мария Ивановна. Если родители Пастухову не родные, очень удачное совпадение, что усыновленный мальчик носил имя его нового дедушки. Или это новое имя?

Мое утро тянулось, я была в какой-то растерянности. Мысли вышли из повиновения: тот момент, когда отчетливо понимаешь, что мозг – это не ты. Что бы ты ни запланировала, как бы ты ни старалась соблюдать свой порядок, мозг заставит тебя сделать то, что пока кажется невозможным. Для меня невозможно

утром выйти из дома. Для меня привычки – сладкий закон, обязанности – покой и порядок. Дверь заперта, окна зашторены, в круге настольной лампы все четко и понятно. Сценарий требует еще трех дней. Рецензию можно написать в промежутке между работой над ним. Это мое общество, общение, возможность изложить то, что говорить не хочется и некому. Людей полно, а тех, кому это будет интересно или хотя бы понятно, легче вообразить, чем встретить.

Мой вымышленный мир – он самый реальный и есть. Он бескомпромиссный и беспощадный. Нет, он не черно-белый. Палитра его оттенков из натуральных цветов. Там разные оттенки крови, переливается лента разноцветных слез. Там мертвая листва восторгов и мраморный отблеск моей памяти. Всегда и на всем этот отблеск. Вот это я берегу, как самый алчный скупец, – каждый уголок своей памяти. Она касается не только моей жизни. Там все, что я знаю о жизни в принципе.

Я пью кофе, ем мамин пирог и с нежностью смотрю на свой стол и лампу – знаю, что сейчас расстанусь со своим порядком. Движение – это жизнь не только тела. Движения требует мой мозг. Я поеду по неведомым дорогам и чужим следам и в конце концов пойму, зачем мне это было нужно.

Очень редко пользуюсь своей машиной. Мне удобнее на такси. Хотела даже нанять водителя, чтобы не прерывать разговор с собой во время пути. Но сразу отказалась, как от любых постоянных контактов. Я решительно направилась в гараж. Явиться в незнакомый дом к чужим осиротевшим людям с непонятной самой себе целью – это лучше без свидетелей.

Прежде чем выехать со своего двора, я послала СМС Кириллу: «Поехала по делам. Буду в семь». Он тут же ответил: «Ок». И мне стало теплее посреди серого и мокрого дня. Мне с этой каплей тепла будет легче в пути. В пути, который всегда лежит мимо главных могил. Еще и поэтому я не люблю ездить одна. Призраки прячутся даже от шоферов такси. Они молчат и не плачут. А сейчас они, конечно, набросятся на меня. Соскучились.

Артем вошел в мою жизнь сразу как главный мужчина судьбы. Мне было двадцать пять лет, я уже шесть лет была в несчастливом, жестоком и безусловно трагическом замужестве. Давно растеряла радость и смысл легких, красочных флиртов, забыла о безмятежности свиданий, за которые не нужно платить страхом, болью и тоской. Я внутренне сжималась, когда при мне произносили слова «любовь», «семья», «мой муж», «моя жена». Для меня это

были синонимы обреченности, это была моя казнь и тюрьма. От мужчин шарахалась, как от источников заразы: мой муж был ревнивым психопатом. Каждая ночь дышала на меня разгоряченным бредом сумасшедшего, терзала ласками садиста и давила страшной нелюбовью. Ночью я ненавидела мужа и скрывала это, кусая губы в кровь. Не было сомнений: если он заметит что-то – убьет. А он, похоже, только к этому и стремился – найти повод убить. Есть люди, для которых из всех свершений привлекательно только это. Отыскать свой тип жертвы, отобрать сначала волю и радость, затем жизнь. А ведь я верила, что все будет по-другому, когда Юрий назвал меня «царевной», встретив в первый раз на школьном дворе. Мне было пятнадцать. Я радовалась, когда выходила за него замуж.

Артема я бы заметила в любой толпе только потому, что он был полной противоположностью Юрию. Он был воплощением мужской состоятельности, уверенности, привлекательности. Прямой, откровенный взгляд бархатных глаз, добродушная улыбка, руки с тонкими и нежными пальцами художника и музыканта. Но встретились мы не в толпе, а в кабинете главного редактора газеты, когда я впервые устроилась на работу. Он объяснял мне мои обязанности и утешал:

– Ничего страшного. Вы справитесь.

Потом он проводил меня до рабочего места, а в коридоре представил свою жену, которая ждала его, чтобы поехать по делам.

– Какая она хорошенькая, – сказала Зина обо мне в третьем лице и покровительственно коснулась моего плеча.

Мы с Артемом полетели в омут или к звездам уже через неделю. И если он все время думал о том, что будет дальше, то я была от таких проблем свободна. Дальше может быть только одно: Юрий нас выследит. Он сделает это легко, потому что мы не очень прячемся, выходим из редакции всегда вместе и едем туда, где есть для нас дверь, ключ от которой оставили Артему. И я точно знала, как Юра поведет себя. Он дождется, когда я вернусь домой, закроет двери и будет растягивать убийство так долго, сколько выдержит мое сердце. Артема он не тронет, потому что трус.

Так и случилось однажды. Но я пережила страшную ночь, а на рассвете какая-то таинственная сила вдруг оживила мои почти мертвые руки. Я сумела вырваться, схватить с вешалки плащ, накинуть на свое окровавленное тело и выскочить из дома. Бежала босиком по пустынному ледяному полю за нашей новостройкой. Потом меня подобрал какой-то таксист и бесплатно подбросил до редакции, я уговорила его, что мне нужно туда, а не в больницу или полицию. Не таксисту, а более пристрастному человеку пришлось бы объяснять, почему не в больницу и не в полицию. И не каждый бы понял, насколько человеку в такой страшной и позорной ситуации нужно прятаться именно от тупого и бюрократического вмешательства. На следующий день всем было бы известно все. Моей маме, известной актрисе, о том, что ее дочь убивал муж из-за измены, как подзаборный алкаш свою подружку. Жене Артема. Моим читателям в самом начале журналистской карьеры. И в дальнейшем будет важно только это. И смысл? Стараюсь оберегать себя по возможности от черной информации, поэтому не знаю, есть ли еще такая дикая страна, как Россия, где домашнее насилие законодательно декриминализовано. Это не преступление, это скрепы домостроя. Идти Юре некуда. Даст развод или нет, все равно жить из нас останется только один. На то он психопат-убийца.

В уголке вестибюля я и дождалась утра. В тот день Артем, как он потом рассказал, всю ночь не мог уснуть, вышел на рассвете, соврав жене, что к нему очень рано приедут за важными документами. Так я и спаслась. Так проблема Артема стала моей жизнью. А моя жизнь – еще большей проблемой Артема.

В дом, где жила с Юрием, я больше не вернулась. Квартиру, в которой я сейчас живу, мама подарила на мой день рождения – на двадцать шесть лет. Мама и дворец бы мне подарила, лишь бы я не свалилась на ее голову вместе с клубком своих бед. Адрес квартиры мы с Артемом на этот раз тщательно скрывали. Я возвращалась домой, путая следы. Он приезжал ко мне через несколько часов. Первое время среди ночи заставлял себя вставать и уезжать к жене. Потом стал просто звонить ей с работы.

Для развода с Юрием я наняла адвоката. Нас развели заочно. Зина спокойно согласилась на развод, получив документы на квартиру и счет на свое имя.

Но было бы странно, если бы судьба так легко выпустила меня из своих удушающих объятий. Через неделю позвонили и сообщили, что Юра повесился в нашей бывшей общей квартире, от которой я отказалась в его пользу.

А потом была наша свадьба с Артемом. После ресторана мы приехали к нашему дому всей редакцией на нескольких машинах. Артем во дворе произнес спич.

– Ребята, как я счастлив, что вы с нами в деле и в такой радости. А сейчас мы прощаемся. Скажу только вам: я ужасно соскучился по своей жене. Вика ведь уже пять часов – моя жена. Всем спасибо. Завтра даю вам выходной. А потом продолжим, я вам обещаю.

Мы с ним вошли в квартиру. Он достал из холодильника бутылку шампанского, которое мы пили только вдвоем. Закусывали поцелуями. А за окном еще веселились друзья. Скандировали: «Поздравляем!» Кто-то принес и выпустил воздушные шары с дымом. Шары поднялись до нашего пятнадцатого этажа, два почти влетели в окно, запутались в тюле. Артем прыгнул на подоконник и начал их освобождать. Я услышала звонок в дверь, открыла, без особого удивления увидела Зину. Артем ее приглашал на праздничный обед в ресторан, но она позвонила, сказала, что не успевает с работы. Она стояла с белыми розами и мило улыбалась. Я пропустила ее в прихожую, взяла цветы, пошла в кухню за вазой.

И вошла в комнату в тот момент, когда Зина с силой толкнула Артема в спину. Он не успел даже вскрикнуть, полетел вниз…

Нелюбимый сын

Со стороны, наверное, казалось: праздная женщина на красивой машине медленно едет по позолоченному осенью Подмосковью и любуется природой. А я в это время в миллионный раз пытаюсь прыгнуть от порога до окна и схватить Артема. Я сжимаю руль до боли в пальцах и вижу эти побелевшие костяшки на горле Зины. Я опять лечу без лифта по лестнице вниз и заставляю Артема проснуться. Я шепчу и кричу ему, что это неправда, что он жив. И без конца выпутываюсь из липких оков вины, глядя отсюда и сейчас в ту комнату, где в петле из собственного ремня синеет, хрипит и ненавидит меня мой первый муж Юрий.

Пытка моего свидания с прошлым закончилась на сегодня. Вот он, дом, в котором живут родители Пастухова. Я уже видела его на снимке в Интернете.

Есть такой смешной сайт, на котором можно найти любое место на земле просто по адресу. Дом небольшой, но очень основательный и добротный. Здесь могут жить только хозяйственные и ответственные люди.

Я припарковала машину у высокого темно-зеленого забора и подошла к воротам. Это был не обычный деревенский штакетник, а художественная, очень красивая стилизация. Владелец просто обозначил границу своих владений. Хозяин дома явно не болеет страхом перед грабителями: ворота, скорее декоративные, как на иллюстрации детских сказок, – с аркой и отделаны коваными медными деталями. Я позвонила в сверкающий звонок, стилизованный под старину. А сработал он как вполне современное устройство. Тут же ворота разъехались, передо мной была широкая чистая дорожка, ведущая к открытой деревянной террасе. На террасе стоял высокий, худой старик в черной ковбойской шляпе. Он был похож на Клинта Иствуда.

Старик спустился ко мне навстречу, церемонно поздоровался, не подумав спросить, кто я такая и что мне нужно.

– Добрый день, Петр Ильич. Меня зовут Виктория Соколова. Я работала с вашим сыном Ильей Пастуховым, – представилась я. – А зачем я приехала, не скажешь в двух словах.

– Я сам это пойму, – кивнул старик и снял свое сомбреро с белоснежных волос.

Он провел меня через террасу в такой же чистый, широкий, обитый деревом коридор. Нам навстречу вышла полная круглолицая женщина. Лицо в мелких и обильных морщинках, в тяжело опавших веках нестарые глаза – внимательные, беспокойные, печальные и добрые.

– Маша, нашу гостью зовут Виктория. Она работала с Илюшей. Принеси нам, пожалуйста, чаю в гостиную, – попросил Петр Ильич.

Его жена всхлипнула и прижала руку к губам.

– Извините, что без звонка, Мария Ивановна, – сказала я. – Просто не сумела узнать телефон. Прежде всего разрешите выразить вам мои соболезнования. Я знала Илью.

– А вот соболезнований не нужно, – сурово произнес Пастухов-старший. – Знаете, моя дорогая, соболезнования еще никому не помогли в аналогичной ситуации. А насколько вы сочувствуете нашему горю, это будет понятно не сразу. Даже вам. Маша, так мы ждем чай.

Мы сидели в большой комнате, выдержанной в общем стиле. Ничего лишнего, все целесообразно, вещи не новые, добротные, ужившиеся друг с другом. Произносили общие вежливые фразы: о дорогах, пробках, о погоде и последних новостях. Петр Ильич хорошо, грамотно и к месту говорил, умел внимательно слушать. У него был приятный глуховатый голос. И совершенно невероятным был бы в этой обстановке, рядом с этими людьми шумный, суетливый, навязчивый и хвастливый Илья Пастухов.

«Ну почему эти люди не выбрали, как обычно бывает, сироту, похожего на них хотя бы внешне? – думала я. – И сколько лет он с ними прожил, чтобы стать полной противоположностью?»

И еще мне бросилось в глаза, что в этой комнате, судя по всему, главной комнате дома – зале, как говорят в деревне, – нет большого портрета Ильи с траурной лентой, с цветами перед ним. Спросить я не смела, но Петр Ильич сам вдруг сказал:

– Мы не выставляем наше горе напоказ. Не потому, что мы скромнее или более скрытные, чем другие люди. Просто горе наше сложнее, чем у большинства. Не сильнее, а именно сложнее. Вы ведь в курсе того, что Илья – не родной наш сын?

– Да, – кивнула я.

– Никогда не думал, что именно об этом заговорю сразу после его смерти. Но сейчас это, наверное, главное. Мы хороним не только Илью. Мы хороним всю свою прошлую жизнь. Свою молодость, свои силы, свой энтузиазм и свою веру. Все это мы отдали мальчику, который так и остался для нас чужим человеком. Он стал мне родным сыном, потому что я рвал ради него свое сердце и готов был отдать всю свою кровь. Мы отказались от возможности иметь своих детей, поставили крест на мечтах и планах. Надеюсь, он хотя бы чувствовал себя счастливым. Но Илья не любил нас, а мы не сумели полюбить его. И все, что потом с ним происходило, все его истории, скандалы, радости, чудовищные, на мой взгляд, – все это может быть нашей виной. Мы не любили Илью. Мучились,

старались, скрывали. Но кто же может такое скрыть?

– Зачем ты это говоришь, Петя? – тихо произнесла Мария Ивановна.

Она поставила на стол поднос с чашками и опять скорбно прикоснулась к своим губам, которые, наверное, застыли от необходимости молчать о главном.

– Нам повезло, Маша. Легче всего сказать о том, что у тебя болит, незнакомому, случайному человеку. Вике мои откровения неважны, наверное. А мне легче. Нам легче.

– Выпей, дочка, чаю, – сказала Мария Ивановна. – У нас совсем не бывает гостей.

После чая Петр Ильич повел меня в комнату сына. Это было самостоятельное помещение с перегородками, отдельным санузлом. Кабинет, спальня, тренажерный зал, библиотека.

– Мы здесь ничего не трогаем, – объяснил Петр Ильич. – Были представители следствия, что-то искали, что-то взяли для дела. Вы можете задать свои вопросы, я расскажу, что смогу. Нет ничего, что нам надо скрывать.

И мы поплыли. Из дня его поминок по прошлой жизни к осколкам, на которые она разбилась. Что за обидное свойство у моей кожи! Она кровоточит и болит под дождем осколков чужих бед. Еще и поэтому не стоит задавать людям вопросы. Впрочем, на этот раз мне и не пришлось их задавать. Лишь на прощание я сказала Пастухову:

– Илью знала и моя мать, актриса Анна Золотова. Она сейчас не выходит из дома. Мы с ней хотим понять, что произошло и почему. Я вообще из тех людей, которые никому не верят. Особенно следствию. Предпочитаю иметь свое мнение. Я подумаю о том, что узнала сегодня. Будут новости, обязательно позвоню. В любом случае позвоню.

– Я так и понял, – склонил свою живописную седую голову Петр Ильич и поцеловал мне руку. – Я буду ждать вашего звонка.

Мария Ивановна сунула мне в руку пакет с пирожками и виновато улыбнулась всеми морщинками вокруг печальных глаз. Как много людей считают пироги спасением от самых страшных несчастий.

– А я люблю Илюшу. Любила… – тихо произнесла она мне в спину. – Он был общительный мальчик, просто совсем не такой, как мы. Его нельзя было убивать. Никого нельзя убивать.

Рядом со своей машиной я обнаружила любопытного незнакомца. И подумала: «Просто день ковбоя сегодня!» Парень был в обтягивающих джинсах на бесконечно длинных ногах и в кожаной куртке. Он посмотрел на меня честным и смелым взглядом синих глаз, как самый умелый притворщик из Голливуда, и картинно достал корочки. В документе было написано: «Сергей Кольцов, частный детектив».

– Вы за мной следите? – спросила я.

– Ни в коем случае, – заверил он. – Я вообще не имею привычки за людьми следить. Просто выслеживаю и вынюхиваю что-то интересное. Это мое хобби. Оно же – работа. А вас я жду исключительно по совпадению. Я приехал к Пастуховым и обнаружил, что я не первый. Мой интерес – убийство их приемного сына Ильи. Помогаю официальному следствию. Хотел уехать, потом остался посмотреть, кто меня опередил. Эти люди живут очень замкнуто.

– Правильно, что остались. На сегодня им достаточно гостей.

– Вы…

– Я им никто. Просто работала с Ильей Пастуховым, – объяснила я. – Меня зовут Виктория Соколова. Я хотела понять, что произошло.

– Поняли? – с любопытством спросил Кольцов.

– Если вы имеете в виду убийство, то Пастуховы знают об этом столько же, сколько и я. Я поняла другое. Это несчастные люди, которые расплачиваются за свою ошибку. Они усыновили чужого человека. Илья не стал им любимым сыном.

– Мы можем поговорить?

Я посмотрела на часы. Пока доберусь до города, будет семь, нехорошо заставлять Кирилла ждать. И ответила:

– Мне пора домой.

Но Кольцов не собирался сдаваться и предложил:

– Давайте так. Я оставлю свою машину, позвоню помощнику, чтобы он ее перегнал ко мне во двор. А поеду с вами, если вы не против.

– Хорошо. – Я согласилась с радостью. – Меня маньяки подстерегают, когда еду одна. А тут такое везение. Второй ковбой за день.

Через полтора часа я въехала во двор, поставила машину и попрощалась с Сергеем. А сама побежала на огонек сигареты Кирилла у подъезда.

– Ты здесь. Ничего лучшего ты не мог придумать сегодня. Только это мне было нужно: чтобы ты приехал первым. Чтобы спас меня от ожидания.

– Эгоисты мы, – шепнул мне Кирилл, обнимая. – Я-то спасал только себя.

Часть третья. Эгоисты, или Пир на двоих

Плюс чужие дни

В моем королевстве наступило утро. Я сначала открыла глаза, потом выпала из яркого, нелепого и глупого сна, какой может присниться только от физической усталости утешенного, залюбленного тела и от парящей в невесомости души. Так непривычно освобождаться от ее тяжести хоть на час, хоть на минуту.

Я закуталась в халат и босиком пошлепала в ванную. По дороге остановилась в коридоре у открытой двери кухни. Кирилл завтракал. Он достал из холодильника все, что там было из готовой еды, выставил на стол, налил кипятка в высокую кружку, на треть заполненную растворимым кофе. При этом он говорил по телефону, проверял почту, печатал письма, читал новости и реагировал:

– Ух ты, черт!

Я с любопытством исследователя наблюдала, как он сначала ест арбуз, доставая ложкой из середины самые сладкие куски, затем кладет ломтик сыра на большой кусок буженины и жует, жмурясь от удовольствия. Пьет горячий кофе. Затем, осененный важной мыслью, бросает в кружку большой кусок мороженого. Надо же, большой ребенок тут у меня завелся! Он мне ничего целого, кажется, не оставил. И куда подевались его повадки опытного холостяка? Нет сомнения в том, что он и не подумает за собой убрать.

В ванной я подобрала с пола его носки, трусы, рубашку и джинсы. Кирилл привез вечером свои самые необходимые вещи. Я спокойно сложила грязное белье в красивый пакет, отыскивая в себе ростки раздражения, брезгливости или протеста. Не нашла. Теплые тряпки с родным запахом. Пакет я оставила у двери. Отдам в прачечную. Я сама ничего не стираю по той причине, что для этого существуют профессионалы. Какой бы сложной и бестолковой ни казалась жизнь, в ней есть один плюс: каждый человек хорошо делает только одно, свое дело. И нечего сбивать порядок. Девушки в моей прачечной ничему не удивляются, даже когда я чулки и колготки приношу.

После ванной я долго сидела у туалетного зеркала, причесывалась, мазалась кремом и совсем не торопилась поздороваться с Кириллом. Я спиной, кожей на ступнях ног чувствовала, что сегодня разлуки не будет. Потому он так шикарно завтракал, а не глотал на ходу кусок чего-то, что не попытался рассмотреть. И поймала его фразу, сказанную по телефону:

– Это обязательно. Это я сделаю. Только не сегодня. Жуткий грипп или простуда. Температура под сорок. – И Кирилл ненатурально закашлял. Артист он никакой.

И эта фраза бросает меня в детство, когда объявлены каникулы или приезд мамы – великие детские праздники. И от этих слов мое не очнувшееся от сна

тело вздрагивает, напрягается и горит. Но когда Кирилл заходит ко мне и по-хозяйски целует в мокрый затылок, я говорю:

– Мне нужно два часа поработать. Не стала тебе пересказывать то, что рассказал отец Пастухова. Вообще почему-то трудно это озвучить. Я хочу написать то, что увидела, когда он говорил. Это поможет нам понять. Я и детективу обещала прислать текст.

– Ты уверена, что этот тип – детектив? – нахмурился Кирилл.

– А какая у тебя версия?

– Жулик.

– Смысл ему врать? – удивилась я.

– Может, и нет смысла, но я для того, чтобы познакомиться с тобой, мог бы представиться и папой римским. Просто мне больше повезло: все вопросы решил Пастухов. Царство ему небесное.

– Как ты мило сказал мне комплимент. – Я улыбнулась и погладила его по щеке. – Теперь я верю, что ты не торопишься и точно прогуляешь работу. Хочешь, – поспи еще.

Кирилл ушел спать, а я отправилась в те дни. В жизни тех людей.

Их было трое, осталось двое. И где-то есть убийца, который сделал только первый шаг. Он ведь даже ничего не украл, если верить следствию.

Петр Пастухов, молодой, талантливый архитектор, был человеком необычным. Он и к жизни относился как к главному чертежу, эскизу, который нельзя переделать. Изысканная строгость во всем, требовательность к себе и другим, способность вносить элементы неожиданно яркой фантазии в любой проект сделали его заметным и востребованным работником. А потом появилась возможность создать собственное бюро. Петр в своей основной работе сдерживал творческий полет. Мало кто знал о том, что он делал только для себя. Петр писал необычные картины. Только так он отпускал на волю свою нежность.

Он любил мягкие тона и яркие сюжеты, сказочные и фантастические. Причудливый, дивный, переливающийся и постоянно меняющийся мир жил в картинах Петра Пастухова. Однажды бывший сокурсник взял один рисунок и показал организатору серьезного международного конкурса художников. Рисунок получил главный приз. И после этого никому не известный художник Пастухов сразу оказался в узком кругу избранных мастеров. Тех, что ничего не делают на продажу, о которых знают только самые преданные ценители живописи. Получить оригинал, договориться с таким художником об иллюстрации книги – не просто и очень дорого стоит. Но основную работу Петр не оставлял. Он был очень основательным человеком.

Однажды на выставке современной живописи во Франции Петр познакомился с модной французской актрисой Моникой. Моника не была красавицей, но она была оригинальной, дивной и обладала пленительной нежностью, как героини картин Пастухова. Петр полюбил Монику со страстью художника и с уверенностью ответственного человека, который делает окончательный выбор. У него получилось провести вместе с ней во Франции несколько счастливых месяцев. Он оставил Монику, чтобы вернуться в Москву по делам. Собирался приехать за ней и жениться. При расставании Моника сообщила ему, что беременна, она тоже уезжала, ее ждала работа в Голливуде.

Петр больше никогда не увидел свою Монику. В Америке она встретила богатого бизнесмена и стремительно вышла за него замуж, послала Петру короткое прощальное письмо. Ее муж Джон обещал быть хорошим отцом ребенку Петра.

Не успел Петр справиться с шоком и болью этого события, как на него свалилось еще большее горе. Моника погибла в автомобильной катастрофе. Неродившийся ребенок оказался мальчиком. Петр сумел приехать на их общую могилу через год. Вот тогда опустились его плечи, ссутулилась прямая спина, поседели виски. Петру было сорок лет. И он дал себе слово, что если будет в его жизни второе отцовство, то у него и смысл будет особый. Спасти того, кто уже родился в недобрый час, выпрямить чье-то несчастье, обогреть брошенную и одинокую душу. И рисунки того времени у Петра стали совсем необычными. Это были пушистые котята с нежными личиками девочек, тигрята с озорными глазами мальчишек, скакуны с лицами храбрых парней, пантеры с глазами женщин. Петр думал о переселении душ. О том, что только сильным движением, подвигом можно вернуть себе душу улетевшего родного и незнакомого малыша.

К сорока годам у Пастухова было все, чтобы стать отцом для маленького человека, которого замели снега всеобщей брошенности. Петр был готов согреть озябшую душу сироты, еще не знающего о том, что они идут друг другу навстречу. Он был уверен в том, что его избирательная судьба не даст ошибиться. В том, что он сумеет узнать своего единственного человека с душой французского малыша…

Петр стал богатым человеком, построил отличный дом и выбрал в жены женщину, чей особый талант – это любовь. Мария была самым домашним человеком из всех, кого Петр встречал на свете. Врожденная потребность хлопотать в свитом для нее гнезде, понимание смысла жизни в служении родным людям удачно сочетались с хорошим образованием и внутренней культурой. Такие женщины – отличные матери. И Петр полюбил ее – женщину с приятной внешностью, добрым нравом и здоровой чувственностью. А Мария влюбилась мгновенно, безумно и навсегда. Ради него, ради такого великолепного мужчины, она готова была пойти на все, а не только отказаться от собственных детей в пользу будущего приемного ребенка. Мария не думала ни минуты. Она хотела только того, чего хотел муж: осчастливить и согреть сироту. Она знала, что сможет.

Петр тщательно продумал все критерии выбора сына. Он знал, чего точно не нужно, а что нужно. Верил, что поймет сразу, когда увидит именно его. Они с Марией ездили по разным детским домам. Петр старался не смотреть на жену, которая готова была хватать если не каждого, то через одного. Так она всех жалела. Петр видел, как ей хочется взять самого красивого мальчика. Но этого он как раз и не хотел. Красота – коварное свойство. Она иногда коверкает судьбы. И слишком самостоятельных, отважных, дерзких не стоит, – уверял Петр. Такие дети – бунтари по природе, любят превращать жизнь в борьбу. Петр отмахивался и от собственных представлений об идеале – это тоже ловушка, внешность обманчива. А видел он мысленно интеллигентного, скромного и доброго мальчика, открытого для знаний и честного сотрудничества. Но это все придет потом, он понимал, что явился в мир маленьких, настороженных, испуганных и обозленных дикарей.

На мальчика Костю он обратил внимание из-за настойчивого, почти навязчивого и в то же время робкого и отчаянного взгляда. Смесь самых ярких и самых нежных чувств увидел Петр в этом взгляде. Как будто кто-то его позвал сверху. Усыновление прошло без проблем. Ребенок приобрел не только новую семью, но и новое имя. Костя стал Ильей – в честь отца Петра.

И потянулись самые трудные дни сирот и усыновителей, когда организм упрямо отторгает даже чужой запах человека, выбранного в родные дети. Петр и Мария приняли, поняли и все преодолели. Страшная догадка об ошибке пронзила Петра в неожиданный момент. В момент теплых и доверительных откровений…

– Эй, – позвал меня Кирилл. – Когда я симулировал тяжелую пневмонию, мне виделись более приятные часы, чем наблюдение за экстазом творца.

– Конечно. – Я вздохнула с облегчением и повернулась к нему. – Я как раз подумала, что общение с чужими людьми даже на бумаге страшно утомляет. Кирилл, ты женат?

– Умеешь ты обидеть. Конечно, нет! – возмутился он. – Ничего серьезнее временных оков напрокат никогда и не было.

– Как сейчас с оковами?

– Все в порядке. Они порыдали и успокоились. Я могу тоже задавать вопросы?

– У меня тяжелые ответы, – предупредила я. – Две беды – вот такое мое приданое. Говорить подробнее нет охоты. Давай сегодня устроим детский праздник по поводу твоего прогула.

– Я именно это и хотел предложить. – Кирилл смотрел на меня серьезно и печально. – Что ты любила в детстве на праздник?

– С детством у меня полная ерунда. Оно было третьей бедой. Не повезло тебе?

– Невероятно повезло, – улыбнулся Кирилл. – Это шанс побыть героем в глазах прекрасной дамы. Победить все беды, утопить ее в сладостях и своей любви. Ты заметила, какое слово я сказал вторым?

– Да, – ответила я просто, ничем не выдав, что мое сердце торопливо забилось.

Есть и слова роковые. Слово «любовь» тревожит сон реальных опасностей. Трагедии налетают на это слово, как мухи на мед.

Ненавидеть Зину

Праздник, устроенный Кириллом, мы отмечали три дня. В магазин вышли один раз. Потом просто вспоминали все вкусные вещи, в том числе и те, которые никогда не пробовали, и заказывали их по Интернету.

– Как часто заблуждается человечество, – обычно говорил Кирилл. – Считает деликатесом такую дрянь. И ведь так со всем, не только с едой. Ты заметила?

Удивительно: он просто болтал, а я все чаще соглашалась. И мой вечный непримиримый критик в мозгу, который находил в чужих словах только ущербность и изъяны, – он то ли расслабился, то ли спал.

После очередного разговора по телефону с очередным режиссером Кирилл полез в Интернет искать симптомы пневмонии. У него закончились убедительные подробности своего состояния.

– Надо же! – удивился он. – Это, оказывается, воспаление легких.

– А ты думал что? – уточнила я.

– Думал, горло болит.

– Перепутал с ангиной. Ты очень здоровый человек?

– Наверное. Точно не скажу. Как-то не привык, что кого-то интересует, что у меня болит. Значит, не так уж часто болело.

Кирилл очень сдержан в контакте вообще, да и в близости тоже. Мы все время рядом. Я часто ловлю напряженный, горячий взгляд. А руки его неподвижно лежат на столе, на коленях, и только пальцы иногда вздрагивают, как у пианиста, который собирается взять сложный аккорд. И слов страсти и признаний у него нет. У нас их нет. Это лишнее, как кремовая розочка на кусочке черного хлеба, который спасает от голодной смерти. Да, мы оба так понимаем строгую суть нашей встречи. Это хрупкий, уязвимый и до пределов откровенный

миг истины. Все кажется бесцветным, безвкусным и фальшивым на ее фоне. Все, что нужно, скажет вздох.

А воспаление есть. Мы смотрим друг на друга воспаленными глазами, мы соприкасаемся воспаленными ладонями. Моя воспаленная грудь тихонько постанывает, а воспаленная кровь горячим компрессом окутывает бедра. Крикнет сейчас кто-то, что в доме пожар, а мы с места сдвинуться не сможем. Мы не валяемся в постели целыми днями. Мы просто сидим за столом, заставленным тарелками со сладостями и лакомствами.

Кирилл вдруг резко поднялся, подошел к окну, долго курил, стоя ко мне спиной. А когда повернулся, проговорил:

– Мне страшно.

И все. И я поняла. Да, наступит момент, когда нам придется разрушить нашу хрустальную крепость. Наше на пять минут общее королевство.

Несомненно, существует связь событий. Иногда следующее событие – расплата, иногда – награда. Судьба бывает издевательской, жестокой. Она всегда на страже памяти. И вот наступило утро, когда Кирилл оторвался от меня. Он по-настоящему грубо, ненасытно, отчаянно целовал меня на прощание в прихожей. В это утро позвонила Зина.

– Здравствуй, Вика. Это Зина, – говорит она всякий раз, как будто не знает, что ее имя уже отразилось при звонке.

Говорит – это немного не то слово. Она скрипит, она вонзается мне в барабанную перепонку, она сразу становится самым раздражающим фактором и помехой дыханию. Это невероятно, но я поддерживаю постоянный контакт с убийцей моего мужа. Я не сумела ее наказать, добиться справедливого возмездия по закону и обрекла себя на казнь. Встречаться и ненавидеть Зину до тех пор, пока мы обе живы.

– Не помешала? – уточняет она.

– Помешала, – отвечаю я. – Но я слушаю. Что тебе нужно?

– Ха, – издает Зина хриплый и натужно веселый смешок. – Что мне может быть нужно?.. Я еле открыла утром глаза, сейчас встала, сделала три шага и упала. Надо было помереть, да не получилось. Благодаря тебе у меня нет ни одной живой души, которой я могла бы позвонить.

– В «Скорую помощь» так же легко позвонить, как мне. И возможностей у них больше.

– Я им не доверяю, – заявляет Зина. – Они всегда говорят, что я здорова, и колют анальгин с димедролом. Меня от этого тошнит. Может, ты приедешь? У меня нет даже крошки хлеба.

– Приеду.

Обсуждать ее крошку хлеба смысла нет. Зина – богатый человек. Но у нее, как у всех очень алчных людей, отсутствует чувство насыщения. Она проводит свои дни, заказывая по Интернету лекарства от выдуманных болезней, готовую еду из ресторанов и вещи из дорогих магазинов. Ей лень себе даже кашу сварить. А потом вдруг наступает момент, когда ее отупевший мозг начинает требовать острых ощущений. Ей нужно вспоминать свои подвиги. Еще в большей степени Зине требуется зрелище моих страданий. Она никогда не видела меня ни в слезах, ни в отчаянии. Потому ей трудно это себе представить. Она должна видеть меня близко. Надеть очки и со страстью маньяка отыскивать на моем лице то, что я скрываю от людей вообще, от нее само собой. Впрочем, именно от нее я ничего не скрываю. Я не прерываю этот контакт, потому что он не исчерпал себя. Потому что у меня нет чувства его завершенности. Когда оно возникнет? Я не уверена, что это в принципе случится. Даже когда Зины не будет в живых, я не смогу изжить, пережить тот день. Я не могу отпустить Артема. Я одеваюсь и еду в гости к его убийце.

– Ты не похудела? – спрашивает меня Зина в прихожей, как заботливая тетушка.

А я уже скована той адской смесью эмоций, которые у меня всегда возникают рядом с Зиной. Я не могу увернуться от ее кислого запаха, от ее уродств, от этой манеры выставлять напоказ все самое мерзкое, как нищий на паперти демонстрирует гниющие язвы. Когда она подходит ко мне слишком близко, мое сознание туманится от отвращения.

В пору замужества Зина была складной, ухоженной, вполне приятной женщиной. Тот случай, когда чувство меры и умение подать себя легко принять за человеческую незаурядность. Они с Артемом были ровесниками. На пятнадцать лет старше меня. Сейчас у Зины нет возраста. У нее нет пола. Она стала олицетворением своего греха. Я смотрю на ее лицо с пергаментной кожей, квадратным подбородком, который стекает волнами на страшную шею. В глаза, которые были когда-то голубыми, а сейчас бесцветные, тусклые и пустые, как осколки бутылок в канаве. Но самое ужасное – это рот Зины. Сухой, вялый, с опущенными мокрыми углами. Он ненасытный, с краями вместо губ, он прячет клубы яда. Я всегда боюсь, что сейчас Зина откроет рот, и меня качнет от запаха болотных испарений.

Мы проходим в кухню, я достаю из сумки продукты. Зина хватает первое, что попало под руку, и жадно жует. А я не в состоянии оторвать от нее взгляд. Она не ходит, а шаркает. На ногах какие-то тапки-галоши размеров на десять больше. Она ставит ноги сознательно уродливо – носками внутрь. Она не толстая, но у нее огромный, бесформенный живот, как мешок, в который она складывает всю эту бесчисленную еду и килограммы лекарств. Она поворачивается всем телом, как глубокая старуха, а ведь ей от силы сорок пять. Шеи сзади нет. Голова утонула в плечах. И безобразный «вдовий горб» вырос на ее позвонке, как будто метка за преступление.

Я смотрю на все это, сохраняя в памяти. И мое отвращение сейчас – это спасительный туман. Так пронзительные звуки или тошнотворный запах отвлекают от острой боли, что нельзя унять. Вот такая анестезия: отвращение спасает от ненависти, которая терзает душу и мозг, требуя завершения. Ненависть не просто не знает покоя, она прогрессирует, как раковая опухоль. И ее никак не устроит банальный финал. Если я, к примеру, просто придушу Зину подушкой. Это не месть, не расплата. Просто оборвется одно зловонное дыхание. И я останусь одна в том дне, когда не успела отбросить Зину и схватить Артема. Это жестокая истина: преступление неизмеримо больше, важнее и долговечнее, чем преступник.

Зина вдруг охает и начинает закатывать глаза. Я привычно подхожу к ней, встряхиваю, слишком большой кусок из ее горла проходит в желудок. Но ей по-прежнему кажется, что она умирает. Я помогаю ей лечь, капаю какие-то капли, даю таблетки. Лекарства у Зины везде: во всех тумбочках, шкафах, на полках, в духовке, на антресолях.

Она розовеет, дышит почти блаженно, как наркоман, получивший дозу. Впрочем, Зина им, несомненно, является. И вдруг она смотрит на меня с любопытством и жаждой усилить свои приятные ощущения.

– Ты часто вспоминаешь Артема? – спрашивает она. – Ты ведь так его любила.

Я поднимаюсь и молча иду к выходу. В машине я несколько минут справляюсь с дыханием, разжимаю с усилием зубы, которые свело спазмом ненависти. Наконец темная пелена спадает с глаз, и я выдыхаю. Свидание с убийцей моего мужа завершилось, как обычно. Сейчас главное – не вспоминать ту проигранную войну.

Просто сын

Не знаю, как это бывает у других людей. Я читала, что многие научились или учатся управлять своими эмоциями и мыслями, что некоторые овладели чудо-методиками. И неутомимые коуч-шарлатаны наперегонки предлагают свою помощь в «практической психологии». В лженауке, суть которой – зомбирование собственного организма. В ритуальных заговорах, притопах-прискоках с целью пребывания в нескончаемом «позитиве». Есть такая страна, куда можно попасть, лишь отказавшись от ума, совести и души. Ох, этот позитив, который, как знамя, несут стройные ряды тренированных и правильно откормленных тел с облегченными головами. Облегченными исключительно за счет уменьшения качественного веса мозга. Этот позитив не имеет ничего общего с хорошим настроением мыслящего человека. Потому что для хорошего настроения нужны повод, смысл и ясное понимание всего набора проблем и бед, причем не только своих. С этим набором вменяемому мозгу нужно уживаться, пробиваться к своей радости, находить свой теплый уголок для спасения, свою мелодию для нежности. Нет таких проблем у стада «позитивщиков». Они скажут себе: «Все хорошо, мы – хозяева жизни и своих чувств», – и застынут в неподвижности без прошлого и будущего в полной уверенности, что идут вперед.

Я, конечно, не надсмотрщик своим мыслям, чувствам и телу. Но я сказала себе: главное – не вспоминать ту войну. А она уже опять во мне. И я не повернусь трусливо спиной, не зажмурю глаза. Я пройду. Я вспомню.

Получилось лишь следить за руками, чтобы не дрожали, пока не приехала домой. А в квартире я устроила инспекцию наших с Кириллом уцелевших яств. Хотя эти последствия пира могут рассказать не о том, что такое хорошее настроение, а о вдохновении душ и тел. Мы перепробовали столько вкусных вещей – сладких и острых – и забыли о бутылке чудесного белого французского вина. Просто не было момента, когда захотелось бы усилить, согреть чувства хотя бы на глоток. Мы были на самой вершине нашей общей свободы. Нет опьянения слаще.

И вот это вино мне пригодилось. Очень больно ходить по битому стеклу босиком. В который раз проходить эту тропу истязаний.

В те дни я собрала все силы, все аргументы, вспомнила все точные детали, которые можно было проверить, чтобы доказать вину Зины, убившей Артема. Я даже читала специальную литературу и сделала точные расчеты по аналогу профессиональных экспертиз. Все знали, что я права. И все знали, что разбирательство в таком ключе никому не нужно. Мое слово – против ее слова. А она показала, что пыталась схватить Артема, когда он оступился. Зина работала в крупной нефтяной компании, была там не последним человеком. Я – нищая начинающая журналистка, муж которой погиб, не успев принести ни одной зарплаты. Моя мать категорически отказалась спонсировать мою борьбу.

– Мне не денег жалко, – сказала она, – а тебя. Его не вернешь, а свою жизнь загубишь в этих судах, где смотрят только в руки, где каждый день топчутся сапогами по чужим смертям и несчастьям. Нет, нет и нет. Если бы ты меня попросила о том, чтобы как-то иначе наказать эту мерзкую бабу, я бы подумала.

Но мне нужно было именно так – откровенно и честно. По-другому наказание настигло Зину и без мамы. В ее крутой структуре ей буквально за дни оформили инвалидность и отправили на пенсию. А все, кто знал Артема, брезгливо отвернулись от его убийцы. И это были люди, которые согласились с заключением «несчастный случай». Дело, конечно, в великом «доверии» людей к нашей судебной системе.

Все поспешили забыть тот страшный день, оборвавший нашу жизнь. Остались я на пепелище воспоминаний и Зина в своем прижизненном склепе, куда заточило ее людское презрение. Она там истязала и уродовала свою женскую и человеческую суть. И ждала меня, чтобы вновь и вновь испугать, ранить, втянуть в круг смерти. Наверное, душа этой женщины так мала и так уродлива,

что именно сейчас она нашла свой формат идеального существования. Я не допускаю мысли о том, что Зина может страдать. О нет. Я слишком хорошо изучила страну Страдание, прошла вдоль и поперек. Вход туда не для всех. Если не дано, значит, уцелел, поймал свой кусочек поганого счастья и покоя. В случае Зины – это наркотический кайф и моя боль в качестве усилителя кайфа.

Я металась по квартире и билась о стены, как бабочка с обожженными крыльями, ослепшая от огня. Когда вино помогло, наконец, зафиксироваться, сесть на диван, посмотреть на телефон, я обнаружила несколько пропущенных звонков. Все от Сергея Кольцова.

– Привет, – сказал он, когда я перезвонила. – Как насчет того, чтобы вместе съездить к биологической маме Ильи Пастухова?

– Нашел?

– Конечно. По тому адресу, который дал знакомый Кирилла, дома уже давно нет. Не нашел я ее и там, куда к ней ездил Петр Пастухов. После смерти ее мужа его родственники дом продали, Полину Смирнову выселили в халупку на другом конце Подмосковья. Добраться можно. Я там был, но один не стал заходить, как обещал. Едем вместе?

– Едем, – выдохнула я с облегчением.

И так может выглядеть ангел-спаситель. Как частный сыщик с синими и слишком честными глазами.

Полина Игнатьевна Смирнова могла бы позировать скульптору для статуи символа России. Худая, сухая, со скорбным лицом, глазами-ранами, с кожей, как кора умершего дерева, – она стояла в почти пустой, до блеска вымытой комнате и смотрела на нас без удивления, без растерянности, без страха и ожидания. Ничего ни от кого она не ждала. Просто терпела оставшиеся ей на роду встречи. Со всем, что было ей нужно, она уже рассталась.

– Ничего, если мы присядем, Полина Игнатьевна? – по-домашнему, как давний друг, спросил Сергей.

И когда старуха кивнула, подошел к деревянному, выскобленному до белизны столу, стал выкладывать продукты. Я опять удивилась его, как бы это выразиться, удобству, что ли. Человек, которому дано всегда быть уместным и ненавязчивым. Я ничего подобного не сообразила бы. Когда мы сели вокруг стола на жесткие, грубо сколоченные табуретки, Полина зажгла огонь газовой плиты с баллонами и поставила большой чайник.

Она ни о чем не спрашивала. Сергей ей сам сказал, что мы хотим поговорить о ее сыне, что мы – его близкие знакомые.

– Вы знаете, что Илья умер? – осторожно спросил он.

Старуха кивнула.

– Да, Костика убили. У меня есть телевизор.

Разговор, несмотря на все старания Кольцова, не получался. Дошли до того места, когда ее девятилетний сын написал на мать и отчима донос в прокуратуру. Был суд, Полину лишили родительских прав, но обвинения в жестоком обращении сочли недоказанными, потому они с мужем остались на свободе.

– Ваш сын солгал? Вы его чем-то обидели? – спросил Сергей.

– Мой сын не мог солгать. Значит, что-то было. Значит, как-то сильно обидели.

– Вы с ним виделись после этого?

– Нет. Когда Костя вырос, стала смотреть на него по телевизору. А недавно ко мне приезжал его приемный отец. Спрашивал, как и вы.

– Да, знаю. Вы с ним не захотели ни о чем говорить. А Илья… То есть Костя, – исправился Кольцов. – Костя обвинил вас с мужем в садистских издевательствах, в таких, после которых не остается следов избиения. В том, что голодом морили. Это правда?

– Не хочу об этом говорить.

– Полина, можно один вопрос, – обратилась к ней я. – Вы любили своего сына?

– Странный вопрос, – сухо ответила Полина. – Он просто мой сын. И тогда, когда пил молоко из моей груди. И тогда, когда писал заявление, и когда отрекся. И сейчас. Когда его похоронят, а меня туда не позовут.

– Мы заедем за вами, – пообещал Сергей.

Мы встали, попрощались.

Проехали тоскливую деревню, выехали на Кольцевую. Я всю дорогу думала, вспоминая рассказ Петра Пастухова, очнулась от слов Сергея.

– Я тут тормозну, нужно забежать в магазин за сигаретами.

– Пойдем вместе, – кивнула я. – Тоже что-нибудь куплю. Как тошно после встречи с матерью Пастухова. Полное впечатление, что он ее убил заживо.

Мы вышли из машины, и я поняла, что мы у супермаркета рядом с домом Зины.

Зашли в магазин, я взяла сок и виноград, направились к кассе. Перед этим нужно было пройти отдел, где готовили полуфабрикаты. Тем, кто их заказал, давали с собой стаканчики с бесплатными супами, многие отдавали эти супы стоящим неподалеку бедным старикам. И я совсем не удивилась, увидев в этой очереди нуждающихся Зину. Она была самой жалкой и мерзкой. Она набирала стаканчики, просила еще и еще. Ставила в какую-то потрепанную сумку: руки ее дрожали от нетерпения, она глотала слюну. Мое горло сжал спазм тошноты.

– Посмотри на эту женщину, – попросила я Сергея. – Тебе не кажется, что она чудовище?

Он смотрел на Зину внимательно и доброжелательно.

– Вика, это не Венера, конечно. Но это просто бедная женщина, которая давно не ела и сегодня может лопнуть от всей этой халявы. И я тебе покажу еще с десяток таких же «чудовищ». Вдруг закралось подозрение, что ты не самый

добрый человек.

– Я не самый добрый, – мрачно ответила я. – А вот ты… Допускаю, что Кирилл прав, ты вовсе не частный сыщик, а жулик, если не замечаешь очевидного. Дело в том, что эта баба – миллионерша и жестокий, циничный убийца. Так-то, мой неожиданный и добрый друг.

Часть четвертая. Мой бог – протест

Право разрушить

Что тогда со мной произошло? Нет, это неверный вопрос. Тогда со мной ничего необычного не произошло. Я себе не изменила. Была одна задача – выпить допьяна мое отвращение к другим людям. К кровавой, жалкой и уродливой Зине. К мальчишке, который оболгал свою мать ради корысти и злобы, и у него получилось выплыть из нищеты и безвестности на ее горе. К родной матери, которая оставляла меня на растерзание маньяку, не замечая в нас перемен. К несчастному сумасшедшему, который убивал во мне девочку, женщину, человека вместо того, чтобы повеситься до нашей встречи. И даже к синеглазому ковбою-детективу с его способностью нравиться любому, но никогда до конца не быть честным. Я выстроила их и многих других людей, они все были по другую сторону моей крепости. Я всегда, не зная покоя, – против них с бессонным протестом наперевес.

Изменилось одно – у меня появился Кирилл. Я не просто тоскую по Кириллу, я теперь вижу особое спасение, тайное убежище лишь вместе с ним. Когда я возвращаюсь домой, а его долго нет, я не знаю, что делать с собой. Ужас именно в этом. Я начинаю себя терять. Я хочу видеть себя только в нем. А это уже зависимость, возможно, маниакальность.

– Мы сейчас проедем мимо моей берлоги, – небрежно сказал Сергей. – Как насчет того, чтобы передохнуть, обсудить то, что узнали? У меня есть хороший кофе, коньяк. И я вчера помыл пол. Хотелось бы, чтобы кто-то оценил.

– Поехали, – согласилась я. – Заодно решим, на каких условиях ты работаешь. По делу Пастухова заказчиком хочет стать моя мать. У меня могут быть и другие поручения.

Сергей Кольцов жил в нормальной квартире эгоиста, от которого сбежали жена с сыном. Впрочем, жена Сергея просто нашла более теплый и комфортный вариант – мужа в Калифорнии. Видно было, что Сергей очень грустит, когда он, глядя неотразимыми глазами в туманную даль, рассказывал об этом. Холостяком устроился он вполне уютно. Тот самый вариант, который мне так понятен. Все твое и все рядом. Протянул руку, не глядя, – тут твоя чашка. Поднял взгляд – в этом зеркале твое отражение и больше ничье.

Кофе у него сносный, коньяк отличный, пол действительно чистый. Слишком чистый, как его синий взгляд. Это и наводит на мысль, что к такому повороту сегодняшних событий детектив Кольцов был готов.

Разговор по поводу условий его работы мы начали и закончили моей фразой:

– Подготовь, пожалуйста, текст договора с суммой. Мы с матерью подпишем.

– А в чем твой интерес? – спросил он. – Я его, честно, не просматриваю.

– А его нет. У меня нет интересов. Чисто физиологическая потребность досмотреть что-то до конца. Верю в неслучайность жизненных сюжетов. Рано или поздно окажется, что и это мой сюжет, он впишется в то, что было или будет. Я не могла совсем беспричинно согласиться на сотрудничество с неприятным мне человеком. Да еще накануне его убийства. К тому же, как выяснилось, Пастухова хорошо знала моя загадочная мать, о которой мне известно так же мало, как и ей обо мне. И еще одно, очень серьезное обстоятельство встречи с Пастуховым.

– Оператор Кирилл, – невыразительно произнес Сергей. – Роковая страсть? Злополучная вторая половинка? Или что?

– Или что, – проговорила я, давая понять, что не хочу развивать эту тему.

Потом мы слушали музыку, говорили о картинах Петра Пастухова. Наши вкусы удивительно совпали. Сергей сжал мои руки и произнес:

– Вика, Виктория, победа… Ты весь вечер отводишь от меня взгляд. Посмотри на меня. Я задам вопрос без слов. И прочитаю ответ.

– Да, – сказала я вслух, чтобы ни у кого не осталось сомнений. Ни у него, ни у меня самой, ни у того, кто и сейчас мне нужнее всех.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/mihaylova_evgeniya/nochnaya-raduga

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити